

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

1861.

№ 20.

Подписка, статьи и письма принимаются въ конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К^о, въ Москвѣ, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Подписная цѣна въ Москвѣ и Петербургѣ 6 р. сер., съ пересылкою въ другіе города 7 р. 50 к. сер. «Библиогр. Записки» выходятъ два раза въ мѣсяцъ., исключая двухъ лѣтнихъ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Письмо Державина къ кн. А. Б. Куракину. 2) Нѣмецкое извѣстіе о русскихъ писателяхъ, 1768 г. (Нѣмецкій текстъ и русскій переводъ, сообщ. М. И. Михайловъ.) 3) Стихотворенія Батюшкова, сообщ. А. Н. Аванасьевъ. 4) Къ замѣткѣ о сочиненіяхъ Лермонтова. 5) Дополнительная замѣтка къ статьѣ: «О сочиненіяхъ Пушкина» — П. А. Е. 6) Нѣсколько словъ объ эрмитажной библіотекѣ (окончаніе). 7) Изданія С.-Петербургской публичной библіотеки. 8) Книжныя вѣсти. 9) Поправки и дополненія. 10) Новыя книги. 11) Отъ редакціи.

ПИСЬМО ДЕРЖАВИНА КЪ КН. А. Б. КУРАКИНУ.

Милостивый Государь

Князь Алексѣй Борисовичъ!

Покойный Его Высокопревосходительство Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, оказывая признательность свою къ слабымъ моимъ сочиненіямъ, въ праздное время произведеннымъ, убѣдилъ Меня напечатать оныя. Принявъ первыя основанія наукъ подъ Его начальствомъ, изъ благодарности не могъ Я отказать ему въ ничтожной сей жертвѣ. Въ слѣдствіе чего первую часть отдалъ въ Его волю. — Онъ препроводилъ Её отъ Себя къ Его Сіятельству Князю Федору Николаевичу Голицыну, яко Куратору Московскаго Университета, съ тѣмъ, чтобъ напечатана была въ типографіи онаго. Сей не находя же въ нихъ ничего противнаго законамъ о напечатаніи книгъ изданныхъ (вѣрно вм. — *ма*), приказалъ отдать въ типографію. Г-да Цензоры по разсмотреніи хотя неосновательно захотѣли некоторыя піесы исключить, я на сіе согласился. Но послѣ того когда началось печатаніе вздумали еще некоторыя мѣста не пропускать, которые уже несколько разъ прежде были печатаны. Сколько имъ ни было представляемо, что препядствіе чинимое ими не справедливо; но они ни чему не внемля, желаютъ къ разрѣшенію ихъ сумленія, отзываетъ Вашего Сіятельства, чрезъ князя Федора Николаевича, или чрезъ кого вамъ будетъ угодно, приказать вразумить ихъ, что помянутая фраза ни божескому, ни гражданскому закону, ниже самой политикѣ не противна. Тѣмъ болѣе, когда уже она

несколько разъ была напечатана, то кажется и не въ правѣ они воспрещать оной. Ваше Сіятельство пронзительнымъ своимъ и просвѣщеннымъ разумомъ согласитесь со мною, что самой Ея строжайшей смыслъ состоитъ въ томъ, что похваляетъ она самодержавное правленіе, умягченное щедротами; то почему же нынѣ или въ какое другое время, мысль сія піитическимъ выраженіемъ сказанная не можетъ быть позволена? Почему она будетъ противна или опасна? Я по истиннѣ недоумѣваю. — Безъконечно почту Себя обязаннымъ Вашему Сіятельству, когда благоугодно Вамъ будеть разрѣшить недоумѣніе Г-дъ Цензоровъ.

Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію.

Вашего Сіятельства

До сихъ поръ рукою писаря

Милостивый Государь

всепокорнѣйши слуга

Гавріиль Державинъ.

Рукою Куракина:

Государь Императоръ приказать соизволилъ внушить Господину Державину, что по искусству его въ сочиненіи стиховъ подчеркнутые бы перемѣнилъ чтобъ и получить дозволеніе сочиненію его напечатать.

Слова Фелицы. (рукою Державина)

«Наставь меня Міровъ Содѣтель!

Да волѣ слѣдуй Твоей,

Тебя люблю и добродѣтель

И зижду щастіе людей,

Да вѣкъ мой на дѣла полезны

И славу ихъ да посвящу,

Самодержавства Скиптра жельзный

Моей щедротой позлащу.

Марта 3 дня

1798 года.

Рукою писаря

Къ рѣкѣ подвинулись толпою,
Ныряли всячески въ водахъ;
Тотъ книжку потопилъ въ струяхъ,
Тотъ цѣлу книжицу съ собою.
Одинъ, одинъ Славенофилъ,
И то повыбившись изъ силъ,
За всю трудовъ своихъ громаду,
За твердой умъ и за дѣла
Вкусилъ безсмертія награду.

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафокѣ издранномъ,
Въ пуху, съ косматой головой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой.
«Меня въ расплохъ, она сказала,
Въ обѣдъ нарочно смерть застала;
Но съ вами я опять готовъ
Еще хотъ съизнова отвѣдать
Вина и адскихъ пироговъ;
Теперь же часъ, друзья, обѣдать.
Я вамъ знакомой, я—Крыловъ.» *)
—Крыловъ! Крыловъ! въ-одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо глухо повторяло
Подъ сводомъ адскимъ: *Здѣсь Крыловъ!*
«Садись сюда пріятель милой;
Здоровъ ли ты?»—И такъ, и сякъ.
«Ну, что-жь ты дѣлалъ?»—Все пустякъ!
Тянулъ тихонько вѣкъ унылой,
Пилъ, сладко ѣлъ, а болѣ спалъ.
Ну вотъ, Миносъ, мои творенья;
Съ собой я очень мало взялъ:
Комедіи, стихотворенья,
Да басни всѣ. «Купай! купай!»
О чудо! всплыли всѣ, и вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай.

Еще продлилось сновидѣнье;
Но ваше длится ли терпѣнье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, не осторожно:
Другаго и обидѣть можно,
А Боже упаси того!

Сообщилъ А. Аванасьевъ.

КЪ ЗАМѢТКѢ О СОЧИНЕНІЯХЪ ЛЕРМОНТОВА.

О ПОЭМѢ «ДЕМОНЪ.»

Извѣстно, что Лермонтовъ много разъ передѣлывалъ своего «Демона». Въ изданіи 1860 года помѣщены

*) Крыловъ познакомился съ духами чрезъ Почту. *Примѣч. поэтѣй.*

три первоначальныхъ очерка (1830—1831 г.) этой поэмы. Въ настоящее время у меня есть еще одна изъ такихъ передѣлокъ, относящаяся къ 1832—1833 г., и замѣчательная тѣмъ, что текстъ ея, въ бѣльшей части случаевъ, весьма мало разнится съ напечатаннымъ въ 1 томѣ изданія г. Глазунова. Несходство этого списка съ окончательною отдѣлкою заключается въ немногихъ перестановкахъ и въ исключеніи нѣкоторыхъ стиховъ и даже цѣлыхъ строфъ, что дало поэмѣ бѣльшую сжатость и цѣлость. Часть стиховъ и строфъ, откинутыхъ впоследствии изъ этого очерка, при окончательной его отдѣлкѣ, взята Лермонтовымъ (но въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ) изъ двухъ первоначальныхъ набросковъ поэмы (см. изданіе 1860 г. т. 2, стр. 37 и 47).

Привожу варианты и добавленія по названному списку.

Часть 1.

Первая строфа представляетъ мало различій съ окончательно-отдѣланнымъ текстомъ. Только 4-й стихъ читается; «вм. «Предъ нимъ тѣснилися толпой»:

Предъ нимъ носилися толпой.

Послѣ стиха 9-го: «Любила помѣняться съ нимъ», написаны были еще четыре стиха, находящіеся въ 1 очеркѣ (т. 2, стр. 38) въ нѣсколько измѣненной формѣ:

Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ него;
Когда забота и тревога
Чуждалися ума его.

Вторая строфа представляетъ значительные варианты съ печатнымъ листомъ и за ней слѣдуетъ въ рукописи еще четыре строфы (3—6), не внесенныя въ окончательную редакцію:

II.

Въ пустынь міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли, безъ пріюта...
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей—
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья,
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья.
И зло наскучило ему.
И, побѣдивъ свое презрѣнье,

Онъ замѣшался межъ людей,
 Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
 Убить въ нихъ вѣру въ провидѣнье,—
 Но до него, какъ и при немъ,
 Ужь вѣры не было ни въ комъ.
 И полонъ скуки непонятной
 Онъ скоро кинулъ мѣръ развратный
 И на хребетъ пустынныхъ горъ
 Переселился съ этихъ поръ.
 Тамъ, надъ жемчужнымъ водопадомъ,
 Себѣ пещеру отыскалъ,
 Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
 Душою жизнь ея объялъ.
 Какъ часто на вершинѣ льдистой,
 Одинъ межъ небомъ и землей,
 Какъ царь съ развѣчанной главой,
 Подъ кровомъ радуги огнистой
 Сидѣлъ онъ мрачный и нѣмой
 И бѣлогривыя метели,
 Какъ львы, у ногъ его ревѣли.

III.

Уныло жизнь его текла
 Въ пустынѣ мѣра—и на вѣчность
 Онъ приглядѣлся, но была
 Мучительна его безпечность.
 Путемъ, назначеннымъ судьбой,
 Онъ равнодушно подвигался,
 Онъ жогъ печатью роковой
 Все то къ чему ни прикасался.
 Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
 Стыдясь надеждъ, стыдясь боязни,
 Онъ съ гордымъ встрѣтилъ-бы челомъ
 Прощенья часъ, какъ слово казни.
 Онъ жилъ забытъ и одинокъ,
 Грозой оторванный листокъ,
 Безъ упованья, презирая
 И свѣтъ небесъ, и ада тьму,
 Не вѣря въ жизни ничему,
 И ничего не признавая.

IV.

Надъ утомленную землей
 Остатки старыхъ поколѣній
 Смѣнялись новою толпой
 Живыхъ заботливыхъ твореній.
 Но тщетны были для дѣтей
 Отцовъ и праотцовъ уроки:
 У переменчивыхъ людей
 Не измѣнялись пороки!
 Все также громкія слова,
 Храня старинныя права,
 Умы безумцевъ волновали;
 Все также мелкія печали

Ничтожныхъ жителей земныхъ
 Смѣшнымъ казались подражаньемъ:
 Не предназначеннымъ для нихъ,
 Инымъ, возвышеннымъ страданьямъ.

V.

Какъ черный саванъ на землѣ
 Лежала ночь... вились туманы
 По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ
 Гнѣздились, какъ великаны,
 Громады сѣрыхъ облаковъ....
 И вѣчно ропщущее море
 Гуляло мирно на просторѣ
 Между высокихъ береговъ.

VI.

О море, море!... Какъ прекрасны
 Въ блестящій день и въ день ненастный
 Его и ревъ и тишина!...
 Покрыта бѣлыми кудрями,
 Какъ серебромъ и жемчугами,—
 Несется гордая волна
 Толпою слугъ окружена,
 И какъ царица молодая
 Течетъ одна между рабовъ,
 Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ—
 Не слушая, не понимая.
 Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
 Слѣдить ихъ буйныя движенья,
 И толковать ихъ разговоръ—
 Живой и полный выраженья;
 Люблю упорный этотъ бой
 Съ суровымъ небомъ и землей,
 Люблю безпечность ихъ свободы,
 Цѣпей незнавшей никогда,
 Ихъ безконечные походы
 Богъ—вѣсть откуда и куда!
 И въ часъ заката молчаливый
 Ихъ раззолоченныя гривы,
 И бесполезный этотъ шумъ,
 И эту жизнь—безъ дѣлъ и думъ,
 Безъ гроба, и безъ колыбели,
 Безъ мукъ, безъ счастья, безъ цѣли....

Остальные 14 строкъ первой части (VII—XX) почти совершенно сходны съ соответствующими имъ печатными (III—XVI). Только въ X строкѣ (VI печатная) послѣ заключительнаго стиха печатнаго текста:

Какъ жизнь, какъ молодость живой...
 въ рукописи нашей помѣщены еще девять стиховъ,
 изъ числа отнесенныхъ въ печати въ выноску, начинающая со стиха:

Увлечена легкой пляской.

За тѣмъ еще строфы XIII, XVI и XIX (печатныя IX, XII и XV) имѣютъ незначительные варианты, а именно:

XIII.

.....
 Въ немъ чувство вновь заговорило
 Роднымъ когда-то языкомъ.
 Тогда исполненный досады
 На этотъ мигъ живой отрады,
 Быть можетъ, посланный Творцомъ,
 Какъ-бы страшася искушенья,
 Духъ отрицанья и сомнѣнья
 Закрылъ глаза свои крыломъ.
 То былъ ли признакъ возрожденья? и пр.

XVI.

Затихло все... Тѣснясь толпой,
 На трупы всадниковъ порой
 Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
 И глухо въ тишинѣ ночной
 Ихъ колокольчики звенѣли... и пр.

XIX.

.....
 «Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
 «Имъ прошедшаго не жаль.
 «Дѣти вольности воздушной,
 «Безъ желаній, безъ страстей,
 «Смотрятъ гордо, равнодушно
 «На волненія людей.
 «Въ день томительный... и пр.

Часть 2.

Строфы I и II не имѣютъ разницы съ напечатанными, но въ III-й есть 12 лишнихъ стиховъ, между 4 и 5 печатнаго текста:

III.

Въ прохладѣ, межъ двумя холмами,
 Таился монастырь святой,
 Чинарь и тополей рядами
 Онъ окружонъ былъ,—и порой
 У стѣнъ его, прохлады полны,
 Однообразно бились волны;
 Кругомъ его—густыхъ деревъ
 Сплелись кудрявыя вершины,
 И кое гдѣ, изъ ихъ средины,
 Стремясь достать до облаковъ,
 Встаетъ, бѣлая, остовъ длинный

Зубчатой башни и надъ ней
 Символь спасенія забвенный,
 Чернѣетъ ржавый крестъ, согбенный
 Напоромъ бури и дождей.
 Когда-жъ ложила ночь.... и пр.

IV, V, VI и VII строфы рукописи совсѣмъ одинаковы съ напечатанными. Но послѣ VII въ рукописи есть строфа вполнѣ откинута:

VIII.

Какъ много значить этотъ звукъ!
 Вѣка минувшихъ упоеній,
 Вѣка изгнанія и мукъ,
 Вѣка безплодныхъ размышленій
 О настоящемъ, о быломъ—
 Все разомъ отразилось въ немъ!
 Къ чему?.. Одной минутой рая
 Не оживетъ душа пуста!...
 Безсильно свѣтлый лучъ зари
 На темной тучи не гори!
 * Тебѣ вѣдь съ ней не подружится,
 Ей ждать нельзя, она умчится,
 Она громовою стрѣлой
 Затмитъ покровъ твой золотой.

IX строфа представляетъ значительныя измѣненія противъ печатной VIII:

IX.

И входитъ онъ любить готовый,
 Съ душой открытой для добра,
 И мыслить онъ, что жизни новой
 Пришла желанная пора.
 Неясный трепетъ ожиданья,
 Страхъ неизвѣстности нѣмой,
 Какъ будто въ первое свиданье
 Спознались съ гордою душой.
 Проникнувъ въ келью, духъ смущенный,
 Минувъ образъ позлащенный,
 Какъ будто видя въ немъ укоръ,
 Со страхомъ отвращаетъ взоръ;
 Въ углу изъ мрамора Мадона,
 Лампада мѣдная предъ ней,
 На головѣ ея корона
 Изъ розъ душистыхъ и лилей;
 У стѣнки дѣвственное ложе
 (Луна, смѣясь, въ окно глядитъ),
 А у окна.... Весильный Божел
 Что съ нимъ... онъ мѣлетъ... онъ дрожитъ...
 По звонкимъ струнамъ ударяя,
 Блѣдна, озарена луной,
 Въ одеждѣ черной, власяной
 Она—монахиня младая,
 Сидѣла молча передъ нимъ,
 Объята жаромъ вдохновенья,

Мила, какъ первый херувимъ,
 Какъ звѣзды первыя творенья...
 Въ большихъ глазахъ ея порой
 Невнятно говорило что-то
 Невыразимую тоской,
 Неизъяснимую заботой....
 Полураскрытыя уста
 Живые изливали звуки,
 Въ нихъ было все: моленья, муки,
 Слова надеждъ, слова разлуки
 И дѣтскихъ мыслей простота...
 И грудь высоко поднималась,
 И обнаженная рука—
 Бѣлѣй, чѣмъ утромъ облака—
 Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась....
 Духъ отверженія и зла
 Стоялъ недвижимъ у порога,
 Не смѣлъ онъ приподнять чела—
 Страшася въ ней увидѣть Бога!
 Но взоръ онъ поднималъ: передъ нимъ
 Посланникъ рай—херувимъ,
 Хранитель грѣшницы прекрасной,
 Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
 И отъ врага съ улыбкой ясной
 Приосвѣнилъ ее крыломъ.
 Они счастливы, святы оба!...
 Довольно!... Ненависть и злоба
 Въ его душѣ разыграли вновь...
 Свершилось! онъ опять таковъ,
 Какимъ явился межъ рабовъ
 Великому Царю вселенной
 Въ часы той битвы незабвенной,
 Гдѣ на презрѣнное чело
 Проклятье вѣчное легло.
 И лучъ божественнаго свѣта
 Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ
 И вмѣсто мирнаго привѣта
 Раздался тягостный укоръ.

Х строфа не имѣетъ вариантовъ съ IX напечатанной,
 но XI отчасти измѣнена:

XI.

ТАМАРА.

Я поклялась давно, ты знаешь,
 Забыть волненіе страстей.
 Къ чему-жъ теперь меня смущаешь
 Любовью страстною своей?...
 О кто ты? рѣчь твоя опасна!...
 Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
 Чего ты хочешь?

Далѣе какъ въ печатномъ, но второй отвѣтъ Демона (т. 1, стр. 31) послѣ стиха: «Обширный храмъ безъ божества», продолжается такъ:

Не искушать пришелъ я душу;
 Ты о спасеніи не молишь:
 Святыни здѣшней не нарушу,
 Меня, Тамара не страшись,
 Не отгоняй меня укоромъ,
 Не выжимай изъ груди стонъ;
 Несправедливымъ приговоромъ
 Я на изгнанье осужденъ.
 Не знаю радости минутной,
 Живу надъ моремъ и межъ горъ,
 Какъ перелетный метеоръ,
 Какъ степи вѣтеръ безпріютный;
 И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
 У... (*) вашего прощенья.
 Я полюбилъ мои мученья
 И не могу ихъ разлюбить.
 Но ты—ты можешь оживить
 Своей любовью непритворной
 Мою томительную лѣнь,
 И жизни скучной и позорной
 Непролетающую тѣнь!

Далѣе какъ въ печатномъ. Въ слѣдующемъ моно-
 логѣ Демона (стр. 32) послѣ стиха: «Безсмертной
 мысли и мечты», опять есть вставка:

Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
 Надеждою, воспоминаньемъ,
 Всею роскошью души моей.
 О не страшись и пожалѣй!
 Въ душѣ моей... и пр.

Монологъ этотъ оканчивается стихами

Все безутѣшно ненавидѣть,
 Все безотрадно презирать!...

ТАМАРА.

Къ чему мнѣ знать твои печали и пр.

Вариантовъ нѣтъ до вопроса Тамары (стр. 36):

А наказанье? муки ада?

ДЕМОНЪ.

Такъ что-жъ? Ты будешь тамъ со мной!
 Мы станемъ жить, любя, страдая,
 И адъ намъ будетъ стоять рай;
 Оставь сомнѣнія свои!
 И что такое жизнь.....
 Передъ минутою любви?
 Моя безпечная подруга
 Ты будешь раздѣлять со мной
 Вѣка безсмертнаго досуга
 И власть надъ бѣдною землей.
 Благословишь ты нашу долю,
 Не будешь на нее роптать,
 И не захочешь грусть и волю

(*) Не разобрано: «у міра» или «у свѣта».

За рабство тихое отдать.

Лишь только божіе проклятье

Исполнилось... и пр.

Сюда отнесены стихи, помѣщенные въ печатномъ текстѣ гораздо выше (стр. 33), до стиха: «Несокрушимый мавзолей.» Послѣ чего въ рукописи начинается монологъ Тамары: «Ктобъ ни былъ ты, мой другъ случайный!»

Послѣдній вариантъ въ этой строфѣ, послѣ стиха: «И своенравія мечты.» (стр. 39):

И пусть другія-бъ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ
И думой неба не касались—
Миръ лучшій недоступенъ имъ!
Но не тебѣ, моей подругѣ,
Узнай... и пр.

Въ XII строфѣ измѣнено начало.

XII.

— И онъ слегка

Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ устамъ,
Соблазна полными рѣчами,
Тоской, угрозами, слезами—
Онъ отвѣчалъ ей мольбамъ;
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
Могучій взоръ... и пр.

XIII строфа вполнѣ соотвѣтствуетъ XII печатной.
За ней въ рукописи слѣдуетъ:

XIV.

За часъ до солнечнаго восхода
Еще высокій берегъ спалъ,
Вдругъ зашумѣла непогода
И океанъ забушевалъ,—
И вмѣстѣ съ бурей и громами,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами
Зловѣщій колокола звонъ.
Не для молитвы призывали
Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Досками черными обитый;
И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
Холоднымъ саваномъ обвитый.
Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?

И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ блѣдныя черты;
Уста раскрыты, безотвѣтны,—
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Его глаза не поселятъ—
Хотя еще весьма недавно
Владѣлъ онъ пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной,
Незнавшей власти надъ собой!...
И нѣтъ тебя, младая дѣва!...
Какъ злакъ потопленныхъ полей—
Добыча ревности и гнѣва,
Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
Напрасно будетъ солнце юга
Играть привѣтно надъ тобой,
Напрасно будетъ дождь и вьюга
Ревѣть надъ плитой гробовой!
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнетъ!..
Земля взяла свое земное,
Она назадъ не отдаетъ...

Эта строфа потомъ замѣнена была новымъ описаніемъ похоронъ Тамары, какъ въ печатной XIII.

За тѣмъ въ рукописи варианты встрѣчаются только къ стихамъ, помѣщеннымъ въ выноскѣ на стр. 46 тома 1-го:

. . . И въ тоже время царь порока
Туда примчался съ быстрой
Новорожденнаго потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась,
По слѣду крылъ его свѣтилась
Багровой молніи струя... и пр.

Наконецъ въ «эпilogъ» была еще вставка послѣ стиха: «О милой дочери его» (стр. 50):

И тамъ, гдѣ кости ихъ соглѣли,
На рубежѣ зубчатыхъ льдовъ
Теперь гуляютъ лишь метели,
Да стаи вольныхъ облаковъ.
Заглохла древняя обитель!
Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ
И время—общій разрушитель—
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ. И храмъ священный,
Добыча бури и дождей,
Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей—
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночной,
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ расписныхъ
И на окладахъ золотыхъ
Большой паукъ—отшельникъ новый—

Кладеть сътей своихъ основы.
 Не разъ, сбъжавъ со скаль крутыхъ,
 Сайгакъ иль серна, дочь свободы
 Приютъ отъ зимней непогоды
 Искали въ кельи. И порой
 Забытой утвари паденье
 Среди развалины глухой
 Ихъ приводило въ изумленье.
 Но въ наше время ни чему
 Нельзя нарушить тишину:
 Что можетъ падать—то упало,
 Что мрётъ—то умерло давно,
 Что живо—то безсмертно стало,
 И время въ-живѣ удержало
 Воспоминаніе одно...

Это мѣсто замѣнено потомъ другими стихами, какъ
 въ печатномъ текстѣ, начиная со стиха:

Но церковь на крутой вершинѣ.

МОНГО.

Садится солнце за горой,
 Туманъ дымится надъ болотомъ,
 И вотъ дорогой столбовой
 Летятъ, склонившись надъ лукой,
 Два всадника лихимъ полетомъ.
 Одинъ—высокъ и худощавъ,
 Кобылу сѣрую собравъ,
 То горячить нетерпѣливо,
 То слержить вдругъ одной рукой.
 Малъ и широкъ въ плечахъ другой.
 Храпя, мотаеъ длинной гривой
 Подъ нимъ саврасый скакунокъ,
 Степей башкирскихъ сынъ счастливый.
 Устали всадники. До ногъ
 Отъ головы покрыты прахомъ.
 Коней привъзженныхъ размахомъ
 Они любятъ порой
 И рѣчь ведутъ между собой.
 — Монго, послушай—тутъ направо!
 Осталось только три версты.
 — Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
 Грозятъ и смотреть такъ лукаво.
 — Впередъ, Маѣшка! только насъ
 Измучить это приключенье,
 Въдъ завтра въ шесть часовъ ученье!
 — Нѣтъ, въ семь! я самъ читалъ приказъ!

Но прежде нужно вамъ читатель,
 Героевъ показать портретъ:
 Монго—повѣса и корнетъ,
 Актрисъ коварныхъ обожатель

Былъ молодъ сердцемъ и душой,
 Безпечно женскимъ ласкамъ ввѣрилъ
 И на аршинъ предлинный свой
 Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
 Порода англійской онъ былъ—
 Флегматикъ съ бурыми усами,
 Собакъ и портеръ онъ любилъ;
 Не занимался онъ чинами,
 Ходилъ невытый цѣлый день,
 Носилъ фуражку на бекрень;
 Имѣлъ онъ гадкую посадку;
 Неловко гнулса напередъ
 И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
 Какъ долженъ каждый патріотъ.
 Но если, милый, вы ѣзжали
 Смотрѣть російскій нашъ балетъ,
 То вѣрно въ креслахъ замѣчали
 Его внимательный лорнетъ.
 Одна изъ дѣвъ ему сначала
 Дней девять сряду отвѣчала,
 Въ десятый день онъ былъ забытъ—
 Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
 Всѣ жесты, вздохи, объясненья
 Не помогали ничего...
 И зародился пламень мщенья
 Въ душѣ озлобленной его.

Маѣшка былъ такихъ же правилъ:
 Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
 Домой съ дежурства уѣзжалъ,
 Хотя и дома былъ безъ дѣла;
 Порою рассуждалъ онъ смѣло,
 Но чаще онъ не рассуждалъ.
 Разгульной жизни отпечатокъ
 Иные замѣчали въ немъ;
 Печалей будущихъ задатокъ
 Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
 Его покоя не смущало—
 Чтò не касалось до него;
 Насмѣшекъ гибельное жало
 Броню желѣзную встрѣчало
 Надъ самолюбіемъ его.
 Слова онъ вѣсилъ осторожно,
 И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
 Порою: трезвый—вралъ безбожно,
 И молчаливъ былъ—на пирахъ.
 Характеръ вовсе бесполезный
 И для друзей и для враговъ...
 Увы! читатель мой любезный,
 Что дѣлать мнѣ—онъ былъ таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
 На подвигъ славный, роковой,
 Терзаемъ пьяницы недугомъ—
 Изгагой мучимъ огневой.
 Приюты нѣги и прохлады—
 Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ,—

Мелькаютъ въ рядъ изъ-за ограды
 Разнообразные фасады
 И кровли мирныя домовъ,
 Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
 Тамъ есть трактиръ... и онъ отъ вѣка
 Зовется *Краснымъ Кабачкомъ*,
 И тамъ—для блага человѣка—
 Построены сумасшедшихъ домъ,
 И тамъ пріютъ себѣ смиренный
 Танцорка юная наша.
 Краса и честь балетной сцены
 На содержаніи была:

N.N., помѣщикъ изъ Казани,
 Богатый волжскій старожилъ,
 Безъ волокитства, безъ признанья...

..... (1)

— Мой другъ! ему я говорилъ:
 Ты не въ свои садишься сани,
 Танцоркой вздумалъ управлять!
 Ну гдѣ тебѣ?.. (2)

Но обратимся поскорѣе
 Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ.
 Они стоятъ въ пустой аллеѣ,
 Коней привязываютъ тамъ,
 И вотъ, тропинкой потаенной,
 Они къ калиткѣ отдаленной
 Слѣзая, подобно двумъ ворамъ.
 На землю сумракъ ниспадаетъ,
 Сквозь вѣтви брежжетъ лунный свѣтъ,
 И переливами играетъ
 На гладкой мѣди эполетъ.
 Впередъ отправился Маѣшка;
 Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесь,
 И осторожно, точно кошка,
 Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
 За нимъ Монго нашъ долговязый,
 Довольный этою проказой,
 Перевалился кое-какъ.
 Ну, лихо! сдѣлалъ первый шагъ!
 Теперь душа моя въ покоѣ—
 Судьба окончитъ остальное!

Облокотившись у окна,
 Межъ тѣмъ танцорка молодая
 Сидѣла дома и одна.
 Ей было скучно и зѣвая,
 Такъ тихо думала она:
 «Чудна судьба! о томъ ни-слова—
 На матушкѣ моей чепецъ
 Фасона самаго дурнаго,
 И мой отецъ—простой кузнецъ!...
 А я—на шолковѣмъ диванѣ
 Ъмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
 На сценѣ—знаю ужъ заранѣ—
 Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
 Теперь со мной плохія шутки:

Меня сударыней зовутъ,
 И за меня три раза въ сутки
 Каналью повара дерутъ. (3)
 Мой Ригге не слишкомъ интересенъ,
 Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
 Не любить смѣху онъ, ни пѣсенъ,
 За то богатъ и глупъ,.....! (4)

Теперь не то, что было въ школь:
 Ъмъ за троицъ порой и болѣ,
 И за обѣдомъ пью люнель.
 А въ школь... Боже! вотъ мученье!
 Днемъ—танцы, выправка, ученье,
 А ночью—жосткая постель.
 Встаешь, бывало, утромъ рано,
 Бренчить ужъ въ залѣ фортепьяно,
 Поютъ всѣ врозь, трещить въ ушахъ;
 А тутъ сама, поднявши ногу,
 Стоишь, какъ аистъ, на часахъ.
 Флѣри хлопочетъ, бьетъ тревогу...
 Но вотъ одиннадцатый часъ —
 Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
 Тутъ у подѣзда офицеры,
 Стоятъ всѣ въ-рядъ, порою въ два...
 Какія милыя манеры
 И все отборныя слова!
 Иныхъ улыбкой ободряешь,
 Другихъ бранишь и отгоняешь,
 За то — вернулись лишь домой — (5)

 Ни взглядъ не думай бросить лишній,
 Ни слова ты сказать не смѣй... (6)

Но тутъ въ окно она взглянула,
 И чуть не брякнулась со стула.
 Предъ ней, какъ призракъ роковой,
 Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
 Готовый влѣзть почти въ окошко,
 Стоитъ Монго, за нимъ Маѣшка.
 «Что это значитъ, господа?
 И кто васъ звалъ придти сюда?
 Ворваться къ дѣвушкамъ — безчестно!...»
 — Намъ право это очень лестно!
 «Я васъ прошу: подите прочь!»
 — Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
 Мы мчались, выбились изъ силы...
 «Вы неучи! — Вы очень милы!...»
 «Чего хотите вы теперь?
 Ей-богу, я не понимаю!...»
 — Мы просимъ только чашку чаю!
 «Панфишка! отвори имъ дверь!»
 Поклонъ отвѣсивши пренизко,
 Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
 Потомъ садится очень близко
 И продолжаетъ разговоръ.
 Сначала, колкіе намеки,
 Воспоминанія, упреки,

Ну, словомъ, весь любовный вздоръ...
И вѣжнѣйшій вздохъ прилично-томный
Порхнулъ изъ груди молодой...
Вотъ ножку вѣжнѣю порой
Онъ жметъ колѣнкою нескромной,
И говорить о томъ, о семь...

(7)

Маёшка, другъ великодушный
Засѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастье намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру
.
Быть на парадѣ жалонѣромъ,
Или на балѣ быть танпоромъ,
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ!

(8)

Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ...
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ:
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка
Неотразимый гнѣвъ боговъ!...
То былъ Н. Н. съ своею свитой:
Степаномъ, Ѳедоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ, —
Идутъ, гремятъ, орутъ, содомъ!
Всѣ пьяны... прямо изъ трактира...
Но нѣтъ, стой! умолкни лира!
Тебѣ-ль, поклонницѣ мундира,
Побѣду фрачныхъ воспѣвать?...
Въ истерикѣ младая дѣва...
Какъ защититься ей отъ гнѣва,
Куда гостей своихъ дѣвать?...
Подъ столъ, въ комодъ или подъ кровать?
Въ комодъ мѣста нѣтъ и платью...

(9)

Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Но въ мигъ проснулся духъ военный —
Прыгъ, прыгъ!... и были таковы...

(*)

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбы и любви,
Повѣсы на коней вскочили

(*) Точки въ рукописи.

И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ
Они нерѣдко спотыкались,
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

(10)

Когда-же въ комнатѣ дежурной
Они сошлись поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ было шутокъ, смѣху было!
И право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило...

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,
А вы, не можете-ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами?...

Подробности объ этомъ стихотвореніи можно прочесть въ статьѣ г. Меринскаго, въ Библ. Зап. 1859 г. № 12. Тамъ приведенъ и отрывокъ, представляющій вариантъ съ находящимся у меня спискомъ, именно:

Осталось средство имъ одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно.
Опасенъ подвигъ дерзновенный—
И не сдержать имъ головы!
Но въ нихъ проснулся духъ военный—
Вдругъ прыгъ! и были таковы!...

Г. Меринскій относитъ это стихотвореніе къ 1834 году. Въ двухъ спискахъ, которые у меня были, оно отнесено къ 1836 году; но, кажется, указаніе г. Меринскаго должно быть достовѣрнѣе.

П. Ефр.

Спб.

19 января 1862.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА КЪ СТАТЬЯМЪ: «О СОЧИНЕНІЯХЪ ПУШКИНА».

Въ 9 и 19 нумерахъ Библ. Записокъ 1861 г. помѣщены двѣ замѣтки мои по поводу изданій сочиненій Пушкина.

Вотъ нѣкоторыя поправки къ этимъ замѣткамъ:

1) Въ № 9, въ ст. 276, слѣдовало выписать стихотвореніе:

Но ты губернія Псковская,
 Теплица юныхъ дней моихъ!
 Что можетъ быть, страна святая,
 Несноснѣй барышень твоихъ?
 Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ...
 Какъ разговоръ ихъ пустъ и сухъ,
 Какъ мысли пошлы, стародавни—
 Но, уважая русскій духъ
 Простилъ бы имъ ихъ сплетни, чванство,
 Семейныхъ шутокъ остроту,
 Пороки, зубъ нечистоту
 И неопрятность и жеманство.
 Но какъ простить имъ модный бредъ
 И неуклюжій этикетъ?

Этотъ отрывокъ, пропущенный у г. Исакова, напечатанъ и г. Анненковымъ не вполнѣ.

2) *Въ № 19 въ ст. 584*, не замѣчено, что отрывокъ начинающійся словами: «Сплетенные, кружась»... въ рукописи непосредственно предшествуетъ выписанному прежде него: «Неправда-ли, вы помните....»

3) *Въ ст. 587* при замѣткѣ: «Мы недавно отъ печали»... не приведено, изъ статьи Пущина, что пѣсню будто бы поетъ Малиновскій, котораго фамилія не упоминалась въ стихъ.

4) *Въ ст. 592* въ двухъ стихахъ піесы, въ которой описывается явленіе тѣни Наполеона, не обозначены: «царственный порогъ» и «чертогъ царя».

5) *Въ ст. 594* не выписано болѣе правильное чтеніе стихотворенія, помѣщеннаго въ 5 статьѣ г. Бартенева: «Пушкинъ въ южной Россіи» (Русск. Рѣчь и Моск. Вѣстн. 1861 № 94):

Страсть къ банку! Ни любовь свободы,
 Ни Фебъ, ни дружба, ни пиры,
 Не отвлекли-бъ въ минувши годы
 Меня отъ карточной игры.
 Задумчивый всю ночь до свѣта,
 Бывалъ готовъ я въ эти лѣта,
 Допрашивать судьбы завѣтъ,
 На лѣво-ль выпадетъ валетъ.
 Уже раздался звонъ обѣденъ,
 Среди разбросанныхъ колодъ
 Дремалъ усталый банкометъ,
 А я все тотъ же бодръ и блѣденъ,
 Надежды полнъ, закрывъ глаза,
 Гнулъ уголь третьяго туза.

6) *Въ томъ-же ст.* Не приведена первая строчка стихотворенія: «Гауншильдъ и Энгельгардъ» и пр., котораго автографъ находится у В. П. Г-го, не изъявившаго согласія на помѣщеніе этого стихотворенія въ Библ. Запискахъ.

7) *Въ ст. 595 и 596.* При исчисленіи писемъ Пушкина, напечатанныхъ въ Москвитянинѣ пропущено: *Письмо къ М. Н. Загоскину*, напечатанное въ Биографіи Загоскина (С. Т. Аксакова) — Москв. 1853, № 1, стр. 37, и не обозначено, что письмо къ *Н. И. Хмьльницкому* (От. Зап. № 6) было перепечатано въ Библ. Зап. 1859 г., № 10, ст. 310 (изъ Записокъ А. А. Кононова).

8) Въ примѣчаніяхъ (ст. 597 — 598) я встрѣтилъ слѣдующіе недосмотры:

а) Стихотвореніе *Лилія*, какъ разъяснено было еще въ 1857 г., принадлежитъ не Пушкину, а К. В-му.

б) Не указано, что изъ 6 стихотвореній, помѣщенныхъ въ № 95 Русской Рѣчи: I и II были уже напечатаны въ этомъ-же году въ № 5 «Русскаго Слова».

в) Новые будто бы стихи изъ *Вадима*, напечатанные въ № 103 и 104 Русской Рѣчи,—уже были напечатаны въ VII т. изданія г. Анненкова и перепечатаны въ изданіи г. Исакова.

г) Одно изъ стихотвореній, напечатанныхъ въ № 1 Современника 1862 г. (Видалъ-ли ты, какъ пляшетъ Египтянка)—оказалось стихотвореніемъ С. П. Шевырева.

П. Е.

Пбгъ

10 марта 1862.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ЭРМИТАЖНОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

(Окончаніе).

XIII же вѣка. 5. 3. 54. Le Roman de Ioseph d'Arimathie.

Pt. in f^o, на 139 перг. л., о 2 столб.; 42 миниат. живописи на золотомъ грунтѣ; золотые и раскрашен. инициалы. Этотъ романъ, въ прозѣ относится ко времени Людов. VIII, или къ началу царствов. Людов. Святаго. (Дубр.).

5. 3. 36. Le Romant de Godefrois de Buillon.

Pt. in f^o, на 197 перг. л., съ такою же миниат. живописью и инициалами. Старинный текстъ этого рѣдкаго романа еще не изданъ. (Дубр.).

XIV вѣка. 5. 3. 44. Le Roman de la guerre de Troyes imité de Darés le Phrygien, par Benoist de Sainte-More.

Gd. in f^o, на 167 перг. л., о 2-хъ столб.; въ главѣ миниат. живопись, изображ. костюмы, оружія и пр.; такая же внизу каждой стр.; инициалы съ изображеніемъ фигуръ; ободки съ золотыми и раскрашен. арабесками. Драгоценная рукопись этого стихотворенія также еще не издана. (Дубр. Витр. 3).